

**Академические учреждения СССР и Белорусская академия наук: 1929–1931 гг.
(по документам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)**

Связи между российскими и белорусскими научным кругами установились еще до времени создания национальной академии наук в Белоруссии.

Одной из самых значимых фигур на этом поприще был член Российской академии наук, славист, основоположник белорусистики Е.Ф. Карский. Документы СПФ АРАН позволяют проследить и проанализировать ту несомненную роль, которую сыграл Е.Ф. Карский в славистике вообще и в белорусистике, в частности. Этот вопрос освещен в материалах виртуальной выставки СПФ АРАН 2011 г. «Выставка к 150-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского (1860–1931)», размещенной на сайте. Между тем, документы СПФ АРАН позволяют также представить этого ученого как талантливого организатора науки, в том числе науки в Белоруссии, и резюмировать многогранную деятельность Е.Ф. Карского в этой области.

Можно выделить отдельные аспекты деятельности Е.Ф. Карского, сыгравшие свою движущую роль в становлении науки в Белоруссии.

1. *Деятельность Карского в академических организациях Белоруссии.* Документы фонда ученого освещают историю отношений Е.Ф. Карского с предтечей Национальной Академии наук Беларуси – Институтом белорусской культуры. В начале 20-х гг. Е.Ф. Карский состоял в переписке с инициатором создания и первым председателем Инбелкульта С.М. Некрашевичем. В своем первом письме от 5 января 1922 г. С.М. Некрашевич предложил Е.Ф. Карскому занять должность директора только что созданного института [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 1]. Этот проект, как известно, не был осуществлен, и председателем Инбелкульта был назначен сам С.М. Некрашевич. Между тем, С.М. Некрашевич, считая себя учеником Е.Ф. Карского, в письмах подробно сообщал о своей профессиональной деятельности, связанной с работой Инбелкульта, об основании там Отдела языка и литературы, о написании им белорусско-русского и русско-белорусского словарей, о проведении академической конференции по вопросам грамматики и орфографии белорусского языка 14 ноября 1926 г. (результаты которой ученый довольно подробно осветил, сопровождая это описание своей скептической оценкой) и пр. [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99] (Подробнее см. *Бондарь Л.Д. Членство Е.Ф. Карского в научных обществах и Некрашевич И.В. Переписка Е.Ф. Карского и С.М. Некрашевича* в материалах виртуальной выставки СПФ АРАН 2011 г. «Выставка к 150-летию со дня рождения академика Евфимия Фёдоровича Карского (1860–1931)»).

2. *Участие в работе и поддержка научных обществ, занимающихся изучением белорусского языка и культуры.* В письме от 10 августа 1918 г. председатель и секретарь Белорусского научно-культурного общества в Москве уведомили Е.Ф. Карского об его избрании в почетные члены на заседании Общего собрания общества 14 июля 1918 г. – первом собрании общества, созданного при содействии Белорусского национального комиссариата [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2. Л. 12]. Общество планировало широкую издательскую деятельность, но, к сожалению, большинство из задуманного так и не было реализовано, хотя имя Е.Ф. Карского сохранилось в изданиях этого общества – в публикации труда, к которому прилагалась составленная им карта [Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени Е.Ф. Карского. М., 1918].

Другой пример – поддержка Белорусского научно-литературного кружка студентов Санкт-Петербургского университета, организованного в весеннем семестре 1912 г. Устав этого кружка провозглашал своей целью «научное ознакомление с духовною (язык, литература, народная словесность) и общественной (этнография, статистика, народное

хозяйство) жизнью белорусского народа» [Белорусский научно-литературный кружок студентов С.-Петербургского университета. Оттиск из отчета о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского Университета за 1912 г. СПб., 1913. С. 9 = СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 116. Л. 6].

В отчете кружка за 1912 г. напечатаны тексты приветственных выступлений профессоров Санкт-Петербургского университета, а также других исследователей белорусского языка и этнографии, в том числе одного из основателей белорусской этнографии Е.Р. Романова. «Проф. Е.Ф. Карский, также очень сочувственно отнесся к Белорусскому кружку», выделяя в своем приветственном слове в его адрес три необходимых направления исследований, в которых кружок может помочь белорусистике. Первое из них – сбор материала для белорусского словаря. Идеей создания белорусского словаря, который должен был дополнить словарь И.И. Носовича 1870 г., Е.Ф. Карский был охвачен на протяжении ряда лет, привлекая к участию в работе белорусских исследователей. В частности, переписка с Е.Р. Романовым (за 1902 г.) указывает на то, что в работе над словарем, кроме самого Е.Р. Романова, должны были принять участие белорусские исследователи из Вильны, Витебска (в том числе Н.Я. Никифоровский, А.П. Сапунов), а также находившийся тогда в Киеве М.В. Довнар-Запольский [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 129. Л. 9 об., 33]. Осуществить же этот замысел суждено было в 1925 г. ученику Е.Ф. Карского С.М. Некрашевичу.

Второе, указанное Е.Ф. Карским направление – «группировка по сюжетам белорусских народных песен и сказок», и третье – выделение самостоятельного в языке от заимствованного. Работа эта представляла собой исключительную сложность в ситуации, о которой пишет Е.Р. Романов уже для 17 в.: он изучил один белорусский текст, написанный в Рогачеве «канцелярским крючком 17 века», который оказался наполненным полонизмами. «Как тут писать историю белор[усского] языка...» – сокрушается исследователь [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 129. Л. 18]. Еще более тревожную картину Е.Р. Романов обрисовал для позднейшего времени; в письме Е.Ф. Карскому от 5 февраля 1917 г. он пишет: «Но теперь, когда наша несчастная Белая Русь в сущности погибла – западная часть уже будет наполовину с тевтонской кровью, восточная восприняла в себя язык, нравы, обычаи, песни и т.д. <...> польские, литовские, латышские, малорусские <...>, и уже невозможно будет найти теперь чистый тип белоруса...» [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 129. Л. 23]. Завершил же свое приветственное слово Е.Ф. Карский важной мыслью: «Улучшить наше благосостояние умственное и нравственное, ведь, только и возможно при тесном единении с русской культурой и наукой. Это, ведь, не равносильно уничтожению наших национальных черт» [Белорусский научно-литературный кружок... С. 11 = СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 116. Л. 7].

Необходимо также вспомнить почетное членство Е.Ф. Карского в Витебской губернской ученой архивной комиссии, работавшей в 1909–1918 гг. и возникшей по инициативе Е.Р. Романова, А.П. Сапунова и В.С. Арсеньева.

Переписка Е.Ф. Карского содержит также указания на поддержку ученым просветительских белорусских организаций: Белорусского общества в Вильне (1912 г.) [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 64], организовывавшегося Белорусского общества в Могилеве, инициатором и составителем устава которого был Е.Р. Романов, который 2 сентября 1905 г. послал Е.Ф. Карскому Устав Белорусского общества с просьбой поддержать его начинание [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 129. Л. 32].

3. *Участие в создании и становлении Белорусского университета в Минске.* 6 августа 1920 г. Минский губернский Отдел народного образования выдал мандат за № 449, которым удостоверялось, «что Университетская Комиссия при Минском Отделе народ[ного] образования командирует в Москву и Петроград делегацию в составе профессора Е.Ф. Карского, доктора С.Д. Каинского, доц. Л.Б. Слепяна и учен. агроном. Н.К. Ярошевича для совещаний с Главной Комиссией по открытию Государственного университета в Минске, для переговоров с кандидатами на кафедры при Минском

Университете и для выяснения всех других вопросов, связанных с открытием Минского Университета» [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 105. Л. 2].

Связи Е.Ф. Карского с открывшимся в 1921 г. университетом, не прекратившиеся и впоследствии, также отражены в ряде документов СПФ АРАН. Самому ученому несколько раз направлялись предложения о преподавательской работе в университете. Первое из них – от 3 июля 1922 г., подписанное деканом факультета общественных наук Белорусского государственного университета, которым тогда был В. М. Игнатовский, обратившимся к Е.Ф. Карскому с просьбой «прочитать в Университете в 1922/23 академическом году курсы: русского, белорусского и церковно-славянского языков и русской диалектологии, приезжая для этого в город Минск на один месяц в течение каждого семестра». 18 августа 1924 г., в своем очередном письме С.М. Некрашевич, будучи тогда в должности заместителя Главпрофобра, обратился с новым предложением – «занять должность профессора Белорус[ского] гос[ударственного] университета по кафедре истории белорусского языка и штатную должность действительного члена Инст[итута] белорус[ской] культуры» [Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 4 об.].

Проявлением организационного участия в судьбе университета можно считать привлечение к работе в университете видных ученых. Одним из таких сюжетов является посыл к переезду из Одессы в Минск известного слависта П.А. Бузука, ставшего впоследствии директором Института языковедения АН БССР. Активное содействие в назначении и переезде в Минск одесского лингвиста оказал С.М. Некрашевич, который, однако, в своем письме к Е.Ф. Карскому от 25 ноября 1925 г. указывает: «Хотя, впрочем, он [П.А. Бузук – Л.Б.] передавал, что мысль о переезде в Минск впервые ему подали Вы», а далее добавляет: «С приездом Бузука наше лингвистическое отделение оживет. Ведь до недавнего времени у нас не было ни одного лингвиста» [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 7–7 об.].

Еще одна важная составляющая – методическая помощь в организации учебных дисциплин. По крайней мере, один пример такого рода можно привести на основании переписки ученого. Считая себя учеником Е.Ф. Карского, С.М. Некрашевич в письме от 27 июля 1922 г., сообщая о том, что он приступает к подготовке чтения курса белорусского языка на медицинском факультете, советовался с академиком по научно-методическим вопросам: «1) в каком объеме Вы считали бы целесообразным это преподавание, 2) какие пособия могут служить при чтении лекций по этому предмету, 3) какие научные дисциплины Вы порекомендовали бы проштудировать, чтобы считать себя подготовленным для этой работы и для работы в области истории белорусского языка» [СПФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99. Л. 2–2 об.].

Это организационное участие академика Е.Ф. Карского должно было сыграть не последнюю роль в становлении белорусской науки в области гуманитарных дисциплин и способствовать созданию предпосылок институциональному формированию белорусской национальной науки, приведшему к созданию в 1921 г. Белорусского университета, а в конце 1928–начале 1929 г. – Белорусской академии наук.

Документы секретариата АН СССР (ф. 2) позволяют проследить несколько линий взаимоотношений. Активная работа по научному сотрудничеству между АН СССР и Белорусской АН началась фактически с момента создания последней, которая в планировании своей деятельности ориентировалась на работу АН СССР. Среди документов секретариата АН СССР сохранилось письмо из Белорусской АН от 18 ноября 1929 г. с просьбой о пересылке плана АН СССР на 1929/30 г., а также пятилетнего плана [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 61. Л. 7] и ответ на него [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 61. Л. 6].

Крупным научно-организационным предприятием явилось подписание 3 марта 1930 г. договора о социалистическом соревновании между академиями СССР, Белорусской и Украинской. Инициатором этого предприятия выступила Всеукраинская академия наук. 6 декабря 1929 г. коллектив ВУАН обратился в местком АН СССР с

предложением о заключении такого договора [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 62. Л. 2]. Аналогичное предложение было направлено и в адрес Белорусской академии наук. 20 декабря 1929 г. общее собрание АН СССР постановило принять предложение ВУАН и поручило президенту АН СССР разработать порядок осуществления принятых Академией наук обязательств [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 62. Л. 6]. Первым этапом стало подписание 19 января 1930 г. в здании Белорусской академии наук на общем собрании работников Белорусской академии наук договора между Белорусской и Украинской академиями наук о социалистическом соревновании «по лучшему осуществлению социалистической реконструкции народного хозяйства и по популяризации научных достижений среди широких трудящихся масс» [«Красная газета» (г. Ленинград) от 20 января 1930 г.: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 61. Л. 5; ср. «Рабочий» (г. Минск) от 22 января 1930 г.: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1930. Д. 81. Л. 2), для чего в Минск прибыла делегация Украинской академии («Советская Беларусь» (г. Минск) от 20 января 1930 г.: СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1930. Д. 81. Л. 1)]. В основу договора были положены следующие принципы: рационализация структуры, плановость научно-исследовательской работы, участие академий в социалистическом переустройстве народного хозяйства, работа в области культурной революции и связь с массами [Наш край. 1930. № 1. С. 67]. Тогда же общее собрание работников Белорусской АН постановило вызвать на основе этого договора на социалистическое соревнование АН СССР и высказалось о желательности подписания такого договора тремя академиями – СССР, Украинской и Белорусской [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 62. Л. 7].

Вслед за этим последовала работа по подготовке договора между тремя академиями: АН СССР, Украинской АН и Белорусской АН, и в феврале 1930 г. АН СССР готовилась к встрече делегаций из Белоруссии и Украины для подписания этого договора (см. письмо за подписью заведующего секретариатом В.А. Зеленко от 19 февраля 1930 г.) [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 4–4 об.].

Этот договор нашел свой резонанс в организационной и планово-отчетной документации учреждений АН СССР [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 62]. Одним из учреждений, откликнувшихся на этот договор, была Библиотека АН СССР, запланировавшая и проводившая работу по выявлению материалов для Белорусской и Украинской АН в рамках договора о социалистическом соревновании трех академий [СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1928. Д. 72. Л. 92–93 об.; Оп. 3–1930, Д. 16. Л. 7].

Одним из направлений сотрудничества стала подготовка к изданию исторических источников. Уже в первые месяцы своей работы Белорусская АН показала себя как состоятельный институт и в своем письме от 29 апреля 1929 г. выразила готовность взять на себя подготовку издания, которое не смогла окончить АН СССР. Речь идет о 5-м томе «Литовской метрики» (собрания документов канцелярии Великого княжества Литовского 15–18 вв.), готовившегося к изданию Археографической комиссией АН СССР. Археографическая комиссия начала издание метрических книг с 1903 г. и по 1915 г. выпустила 4 тома, подготовленные П.А. Гильтебрандтом, С.А. Бершадским, И.И. Лаппо, С.Л. Пташицким. В издании памятника оказался небольшой перерыв, однако к 1929 г. Археографическая комиссия смогла отпечатать на собственные средства первые 18 страниц текста готовящегося к изданию 5-го тома. Однако в связи с отсутствием средств Комиссия была готова предоставить Белорусской АН право на выкуп этого издания, находившегося в типографии Матисена в Тарту [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1929. Д. 61. Л. 1], однако оно так и не было осуществлено. Работа надолго прекратилась и была возобновлена и продолжена в конце 20 в. польскими, литовскими, а также белорусскими исследователями.

Другой публикаторский проект был связан с изданием исторических памятников. Деятельность эта развернулась одновременно с мероприятиями по подписанию договора о соц. соревновании между тремя академиями. Еще до подписания договора в АН СССР была создана Комиссия по вопросу о согласовании изданий исторических памятников

академиями СССР и Украинской, на заседании которой 31 января 1930 г. был поднят вопрос «о желательности совместного издания исторических памятников, имеющих общерусское значение, академиями, существующими в Союзе». Были намечены к изданию первые источники (в числе первых – «Русская правда», которая была издана с комментариями под ред. Б.Д. Грекова в 1940 и 1947 гг.) и принято решение обратиться с приглашением к участию в этом проекте Белорусской академии наук [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 5] и 28 февраля 1930 г. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук А.Н. Самойлович направил в Белорусскую академию наук письмо, приглашающее к участию в проекте [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 3].

Однако уже на следующий день, 1 марта 1930 г., по этому вопросу состоялось новое заседание «группы историков, социологов и экономистов», на котором были внесены новые предложения по тематике изданий, намечен возможный круг участников проекта и еще раз высказано предложение по привлечению к проекту белорусских, а также средне-азиатских (ташкентских) ученых. 2 марта этот протокол был утвержден на заседании Отделения гуманитарных наук, которое в качестве совместных форм деятельности установило следующие: «1) определение материалов, важных в указанном смысле, 2) распределение очереди изданий, 3) распределение работ между специалистами и 4) участие в расходах по изданию» [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1930. Д. 81. Л. 9]. 18 марта 1930 г. было направлено очередное письмо в Белорусскую академию наук за подписью неперменного секретаря АН СССР В.Л. Комарова и заведующего секретариатом В.А. Зеленко с изложением результатов указанного совещания [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 9–9 об.].

6 мая 1930 г. президент Белорусской АН В.М. Игнатовский и председатель Отдела гуманитарных наук С.М. Некрашевич в ответ на эти два письма направили решение белорусских академических кругов. Из этого письма явствует, что в академии была проведена обширная совещательная работа на разных уровнях, которая позволила сформулировать следующие положения: 1) Белорусская академия наук приветствует издание выбранных комиссией АН СССР исторических памятников; 2) предлагает, со своей стороны, обратиться также к изданию литовских метрических документов; 3) однако в период своего становления из-за ограниченности финансовых и кадровых возможностей не может принять непосредственного участия в издании этих памятников; 4) назначает, между тем, лиц, с которыми можно было бы работать на консультативном уровне – В.И. Пичету и Д.И. Довгялло [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 8–8 об.].

После получения ответа формируется «Комиссия для рассмотрения вопросов, связанных с совместной работой трех академий», которая, поддержав предложение об издании литовских памятников, приняла решение вновь обратиться к белорусским коллегам, на этот раз с конкретным предложением принять участие в издании арабских памятников, руководство которым было определено В.В. Бартольд и И.Ю. Крачковскому. По этому поводу 24 июня 1930 г. в Белорусскую академию наук направляется письмо за подписью неперменного секретаря В.П. Волгина и заведующего секретариатом В.А. Зеленко [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 15–15 об.]. Ответа на это письмо в деле секретариата нет.

Еще одним направлением работы явился научный книгообмен, осуществлявшийся в рамках работы двух учреждений: Библиотеки АН СССР и Белорусской государственной библиотеки, выполнявшей всегда функцию главной научной библиотеки Белорусской республики. В 1931 г. велась активная работа по обмену дублетным фондом двух библиотек; наиболее активно происходил обмен польскими изданиями. В делопроизводственных материалах Библиотеки академии наук сохранились списки дублетного фонда Польского отдела Белорусской государственной библиотеки [СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1931. Д. 39. Л. 75; 84–93; 104–126; 178; 180–182]. В результате этой работы фонды библиотек пополнили свой состав [СПФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1931. Д. 39. Л. 21; 22; 74; 82; 83; 174; 176; 177; 179].

О гармоничном характере научного обмена между двумя академиями свидетельствовали факты взаимного признания. Уже в первый состав действительных членов Белорусской академии наук в декабре 1928 г. вошли известные российские ученые А.П. Карпинский, Н.Я. Марр, В.Р. Вильямс, М.Н. Покровский. В первый состав Белорусской АН был избран в то время непреременный секретарь АН СССР С.Ф. Ольденбург. В фонде ученого (ф. 208) сохранилось письмо от 1 января 1929 г. за подписью президента Белорусской АН В.И. Игнатовского и непреременного секретаря В.У. Ластовского с уведомлением об избрании С.Ф. Ольденбурга в первый состав Белорусской АН [СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 17. Л. 1]. Другое письмо из фонда секретариата АН СССР касается организационно-подготовительных моментов его избрания [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1929. Д. 61. Л. 2].

В свою очередь, белорусские ученые избирались в состав АН СССР. Так, 31 января 1929 г. в члены-корреспонденты АН СССР по Отделению гуманитарных наук (по разряду языков и литератур европейских народов (русская литература)) был избран историк русской и белорусской литературы И.И. Замотин. Позднее, 1 февраля 1933 г., по Отделению математических и естественных наук (органическая химия) в члены-корреспонденты АН СССР был избран белорусский химик-органик, член АН БССР Н.А. Прилежаев.

Это стало залогом установления тесных творческих и организационных контактов ученых двух академий, которые на протяжении многих десятилетий оставались важной формой сотрудничества.

В научной литературе можно найти мнение о том, что на начальном этапе развития научных связей двух академий ученые АН СССР помогали коллегам в Белорусской АН в научно-организационной и исследовательской работе, а по мере роста научного потенциала Белорусской республики все явственней проявлялись элементы взаимного обмена и творческого сотрудничества в их взаимоотношениях. Между тем, документы СПФ АРАН позволяют утверждать, что о «шефском» отношении к белорусским научным кругам со стороны ученых центральных учреждений можно, пожалуй, говорить в связи с организационно-подготовительным этапом основания Белорусской академии, а уже с первых месяцев работы молодой академии у нее установились партнерские отношения с Академией наук СССР.

Своего рода проявлением «шефской» помощи молодой республиканской науке можно, однако, считать подготовку в АН СССР аспирантов из Белорусской республики, начало которой было положено уже в 1931 г. Только в 1931 г. институт аспирантуры Белорусской АН направил для учебы в институты АН СССР 10 аспирантов [ААН БССР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 22]. В 1933 г. в институтах АН СССР проходили подготовку 18 аспирантов, командированных Белорусской АН, из них 10 человек готовились по физико-математическим наукам, 5 по биологии и 3 по геологии [СПФ АРАН. Ф. 222. Оп. 1–1932. Д. 11. Л. 15–16, 19–23].

Однако и в данной связи можно обратить внимание на ориентированность Белорусской АН на партнерское сотрудничество. Уже 9 октября 1929 г. Бюро аспирантов Белорусской АН направило в Бюро аспирантов АН СССР вызов на социалистическое соревнование [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 61. Л. 4]. В ответном письме от 12 октября 1929 г. С.Ф. Ольденбург сообщал о том, что АН СССР вынуждена была отказаться в настоящий момент от принятия вызова, так как аспирантура находилась тогда в стадии формирования, и Бюро аспирантов, предусмотренное положением об аспирантуре, еще не начало своей работы [СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1929. Д. 61. Л. 3].

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-21-01003 «Научные связи Российской академии наук и Национальной АН Беларуси. 1928–1941 гг. Документы и материалы»